УДК 82–1
ББК 83.3(2=411.2)5–022.30–1
ББК Ш33(2=411.2)5–022.30–1

Виталий Юрьевич Даренский,
кандидат философских наук, доцент,
Луганский государственный университет им. Т. Шевченко
(91011, Украина, ЛНР, ул. Оборонная, 2а),
e-mail: darenskiy1972@mail.ru

Поэтика русского традиционализма XX века и её концептуализация в наследии В. В. Кожинова

В статье рассматривается проблема сущностной специфики русского художественного традиционализма XX столетия. В качестве «ключа» к решению этой проблемы рассматривается предложенный В. В. Кожиновым концепт «поэтического бытия», в рамках которого феномен поэтики традиционализма рассматривается как доминирование общего над индивидуальным в художественном опыте. Рассматриваются два уровня поэтической формы: уровень индивидуального эксперимента и уровень классической художественной модели. Поэтический авангард в концепции В. В. Кожинова в этом контексте видится как переходная стадия к возрождению классической поэтики и как эстетическая модель хаоса. Рассматриваются экзистенциальные и антропологические основания кожиновских исследований поэтики. Авторская интерпретация его идей основана на анализе как его литературно-критических статей, так и академических работ. Анализируются такие концепции В. В. Кожинова, как 1) сущность и историческая типология поэтики традиционализма; 2) движущие силы поэтического творчества; 3) культурный смысл возрождения классической поэтики; 4) специфика поэзии как типа творчества; 5) диагноз и прогноз поэтических и культурных процессов XX столетия. Анализируется также тематическая и методологическая связь между этими концепциями. Автор предлагает свою интерпретацию исследований В. В. Кожинова как особое переосмысление русского поэтического опыта, тесно связанного со спецификой русской культуры и ментальности. В частности, поэтическое сознание понимается В. В. Кожиновым как проблематичная сущность, определяемая различными типами «пути». Особое внимание в статье уделено индивидуальной специфике творчества в интерпретации В. В. Кожинова таких авторов, как Ф. И. Тютчев, Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, В. Казанцев, Н. Тряпкин, Ст. Куняев. Концепт «конца Нового времени» Р. Гвардини рассматривается как ключ к пониманию мировоззренческого стиля русской традиционалистской поэзии, который определён В. В. Кожиновым как «конец индивидуализма».

Ключевые слова: русская поэтика, традиционализм, В. В. Кожинов, стиль, творчество, мировоззрение, бытие, авангард, опыт.

ОТОЗВАНА
RETRACTED
20.03.2023

Vitaliy Yurievich Darenskiy,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Luhansk Taras Shevchenko National University
(2A Oboronnaya St., Luhansk, LPR, Ukraine, 91011),
e-mail: darenskiy1972@mail.ru

Poetics of Russian Traditionalism of the XXth Century and its Conceptualization in V. V. Kozhinov's Heredity

The author considers the problem of essential specifics of Russian art traditionalism in the XXth century. V. V. Kozhinov's concept of "poetical being" is considered as a "key" to this problem, therefore the phenomenon of traditionalistic poetic is interpreting here as a dominance of common over individual in art experience. Two levels in structure of poetical form is considered here: the level of individual experiment and the level of classical artistic model. Poetical avant-garde in V. V. Kozhinov's conception was considered in a certain sense as a transitional stage towards renaissance of classical poetics, as an aesthetic imitation of chaos. The author considers the problem of existential and anthropologic ideas of V. V. Kozhinov's poetical studies. Author's interpretation of these ideas is based on the analysis of such sources as his critical sketches and scientific researches. The paper discusses various V. V. Kozhinov's conceptions such as 1) essence of traditionalistic poetic and its historical types; 2) moving forces of poetical creativity; 3) cultural meaning of renaissance of classical poetics; 4) specificity of poetry as a type of creativity; 5) diagnosis and prognosis of poetical and cultural processes in the XXth century. The article also examines

© В. Ю. Даренский, 2015

thematic and methodological links between these conceptions. The author proposes his own interpretation of V. V. Kozhinov's poetical studies, emphasizing that his ideas are based on rethinking of Russian poetical experience, which is necessarily linked with specificity of Russian culture and mentality. For instance, poetical consciousness is interpreted by V. V. Kozhinov as a problematical essence, which is determined by different types of individual "ways". The article focuses attention on analysis of individual specifics of creativity and V. V. Kozhinov's interpretation of such poets as F. Tyutchev, N. Rubtsov, Yu. Kuznetsov, V. Kazantsev, N. Tryapkin, St. Kunyaev. The R. Guardini's concept of "the End of the New Time" in its metaphysical sense has been considered here as a key to understanding of Russian traditionalistic poetry worldview style, which was defined by V. V. Kozhinov as "the end of individualism".

Keywords: poetics, Russian, traditionalism, V. V. Kozhinov, style, creativity, worldview, being, the avant-garde, experience.

В эпоху всеобщего стремления к нетрадиционности особую ценность (как в собственно художественном, так и в общекультурном смысле) приобретают те явления в поэзии, которые сохраняют не почтительно-антикварную, но живую, личностную преемственность с классической поэзией, по-новому воспроизводя её поэтику в качестве *личностного творческого образца*, не заменимого никаким другим. Актуальны и теоретические концептуализации такого опыта.

В этом контексте представляется актуальным наследие Вадима Валериановича Кожинова (05.07.1930–25.01.2001) – автора, весьма известного ныне в первую очередь своими историософскими работами, такими как «История Руси и русского Слова», «Россия. Век XX», «Победы и беды России». Вместе с тем, однако, его наследие как теоретика и историка литературы до настоящего времени ещё не стало предметом специального исследования.

В. В. Кожинов всегда особо выделялся на фоне критики второй половины XX века своей *мыслительной* глубиной. В своих оценках явлений текущей литературной жизни он исходил не из желания доказать правильность личных вкусов, а из напряжённого вдумывания в саму *сущность* художественного слова, которая едина и не зависит от дальнейших вкусовых дифференциаций, которые сами по себе интересны и законны, но неизбежно вторичны. Именно таково самое главное мастерство критика, встречающееся весьма редко даже и в самые яркие литературные эпохи. Другим столь же редким качеством его наследия является особая способность видеть в текущей литературе не просто набор интересных «текстов», но живую преемственность тысячелетнего русского Слова, всегда новое его бытие, раскрывающееся из его сокровенных духовных основ, хранимых живой традицией.

Теоретической основой работ В. В. Кожинова стало исследование самой природы поэтического слова; при этом отдельные явления в истории и современной русской поэзии становились тем конкретным материалом, на котором испытывалось и углублялось авторское понимание этой природы. Идея сущности поэтического слова у В. В. Кожинова может быть определена в её специфике как *событийная*, поскольку в ней сущность поэзии определяется как реальное осуществление (сам автор предпочитал употреблять термин «свершение») *особого рода бытия*. Он пишет: «Содержание поэзии – это не просто высказывание о чём-то, например, о гармонии, но сама эта гармония, осуществлённая в стихе» [16, с. 37]. Тем самым можно сказать, что поэт – это тот, кто спонтанно, но вместе с тем и глубоко осмысленно, выявляет *внутренний логос самого бытия*, его сокровенную смысловую «ткань».

Более того, жизнь не только достигает посредством поэтического слова своего «самосознания», т. е. выявляет свою смысловую основу, насущную для самопознания человека, но и достигает в этом слове своего *преображения*, обретая свой высший смысл в новом, поэтическом бытии: «Живая частица человеческого и народного бытия обрела новое, поэтическое бытие в стихе и раскрылась перед нами так, как будто она *сама* себя осознала. А в этом и состоит непосредственная цель поэзии» [2, с. 94]. Эта сущностная цель поэзии обусловливает и природу поэтического мастерства. Как пишет сам В. В. Кожинов, «чудо искусности обнаруживается в том, что при всей стихотворной упорядоченности и организации речь поэта совершенно *естественна*… Думать и *говорить* как бы прямо и непосредственно стихами – это и есть высшая искусность поэта» [16, с. 19]. Действительно, «естественность» поэтической речи как высшее проявление мастерства – это отнюдь не парадокс, но глубокая закономер-

ность, если поэзия есть особый род *реального бытия*, естественно включённый в структуру подлинной, то есть освещённой высшими смыслами, человеческой жизни.

Именно в этом недостатке творческой *воли*, направленной на созидание особого, *преображённого* бытия и самосознания самой жизни в поэтическом слове, по мнению В. В. Кожинова, коренится любой упадок поэзии, любой уход от высоты её подлинной сущности, данной нам в классике. Поэтому глубоко ошибочным оказывается обращение к «спонтанности» и «игре», пытающееся компенсировать отсутствие творческой воли, направленной к преображению жизни в её поэтическом бытии: «“Случайность”, ставшая основой стиля, неизбежно оборачивается жёсткой схемой. Истинный путь поэзии не в том, чтобы отбросить все каноны, а в том, чтобы основать на них личностную творческую волю. Эта воля не имеет ничего общего с сознательным стремлением создать “индивидуальный стиль”, при котором в стихах является лишь искусственно сконструированная индивидуальность, а вовсе не то естественное “лица необщее выраженье”, которое имел в виду Боратынский» [16, с. 253]. Тем самым именно «канон», заданный классикой, как *конкретный опыт поэтического бытия* и является основой развития и реализации личностной творческой воли современного поэта. К так понимаемому «канону» можно приобщиться только в результате особого *духовного усилия*: «Традиция, в самом деле, способна возрождаться только лишь на пути таких глубочайших и целостных потрясений духа. Никакие стилевые “сплавы” здесь не помогут» [8, с. 272]. Но если «целостное потрясение духа» удаётся, то современный поэт становится *живым преемником* классики, т. е. сохраняет с нею *реальную связь живого опыта*. В таких случаях В. В. Кожинов считал необходимым спокойно и уверенно писать: «За 1980–1987 годы появилось немало стихотворений самого высокого уровня, достойно продолжающих дело Пушкина и Тютчева, Блока и Есенина, Заболоцкого и Твардовского. Такие стихотворения есть в книгах и журнальных публикациях поэтов разных поколений – Николая Тряпкина и Виктора Кочеткова, Станислава Куняева и Василия Казанцева, Юрия Кузнецова и Виктора Лапшина» [10, с. 426]. Такая реальная связь живого поэтического опыта между «классикой» и «современностью» удостоверяется на основе очень чёткого содержательного критерия: «наиболее значительные образцы поэзии XIX и XX века говорят не “о чём-то”, но “что-то”, не повторяют жизнь, но сами предстают как явление жизни – духовной жизни народа» [10, с. 427]. В этом, по мысли В. В. Кожинова, коренится и неизменная востребованность критики, главной задачей которой становится рефлексия именно этой преемственности живого опыта и удостоверение успеха творческой воли поэта – создания своего «художественного мира».

Согласно его концепции, именно круг поэтов, в свое время названых «тихими лириками», в наибольшей степени смог возродить дух и опыт классической традиции и саму природу поэтического слова, – поскольку они «стремились не просто “высказаться” о тех или иных проблемах, а пристально, ответственно и углублённо вглядеться в духовную жизнь личности и народа и воплотить её внутренний смысл и ценность в поэтическом слове» [17, с. 12]. Поэтому «ими всецело владела идея русской Поэзии, притом вовсе не в эстетически замкнутом, книжном смысле, но Поэзии, воплощающей жизнь человека и народа во всей ее глубинной сути» [18, с. 441]. Тем самым поэзия понимается не только как особая сфера эстетического опыта и его художественного воплощения, но как некий *канон целостно-осмысленного бытия личности в его единстве с бытием народом и всем смыслом общечеловеческого бытия*. Таков общий принцип «традиционализма» в поэзии. Соответственно, «сверхцелью» критики и изучения современного поэтического творчества для В. В. Кожинова является *удостоверение живого опыта поэтического бытия в его преемственности с традицией (классикой)*, чем и удостоверяется ценность тех или иных явлений современной литературы.

Этим принципом определялось и отношение поэтов, вышедших из «тихой лирики», к русской классике – отношение живой и всё углубляющейся преемственности: «Творения Пушкина и Тютчева, Лермонтова и Некрасова, Фета и Полонского, Блока и Есенина были для Николая Рубцова и его собратьев не “литературными фактами”, но именно глубочайшими воплощениями духовной жизни русского народа и русского человека, а значит, прообразами их собственной духовной жизни. Они никак не отделяли поэзию от жизни в её сущностной основе и потому были свободны от какой-либо литературщины» [Там же]. Вместе с тем В. В. Кожинов всегда умел очень точно и ёмко сформулировать суть индивидуальной специфики поэтического «образа мира» каждого из этих новых

поэтов. Так, например, «истинное существо поэзии Николая Рубцова» критик усматривал «в воплощении слияния человека и мира, слияния, которое осуществляется прежде всего в проникающих в творчество поэта стихиях света и ветра, образующих своего рода внутреннюю музыку. Истоки этой музыки – в тысячелетнем народном мироощущении и в то же время в неповторимом личностном мироощущении поэта… Николай Рубцов… был, по слову Есенина, поэт “от чего-то”, а не “для чего-то”. Он стремился внести в литературу не самого себя, а то высшее и глубинное, что ему открывалось» [5, с. 83–84]. Для В. В. Кожинова во второй половине XX века именно Н. Рубцов – это поэт-«символ», то есть поэт как «глас народа», являющий в слове его соборную невысказанную душу.

В свою очередь в характеристике творчества Н. Тряпкина В. В. Кожинов отмечает, что его поэзия неизменно предстаёт «не как упорное сотворение новой красоты, но как откровение, как познание “тайны”… стихи Николая Тряпкина воспринимаются не сразу, требуют серьёзного вчувствования и освоения»; эта особенность «обусловлена именно творческим своеобразием поэта – его “лирической дерзостью”. Его непосредственность и образная свобода могут с первого взгляда произвести впечатление небрежности и поверхностности» [4, с. 71]. Итак, по В. В. Кожинову, Н. Тряпкин – это поэт *самочинного народного слова*, хранящий его внутренний особый строй, его особое мировидение.

Характеризуя творчество другого яркого поэта этого круга, В. В. Кожинов пишет, что «лучшие стихотворения Василия Казанцева рождаются и живут как раз на самой *грани,* на самом рубеже сдержанности и порыва… Лучшие его стихи нередко основываются на своеобразной поэтике *мгновения*» [9, с. 188–189]. Итак, В. Казанцев – это поэт прозрения, поэт яркого и «взрывного» в*и*дения неповторимых ликов бытия. И в этом можно убедиться, если вспомнить хотя бы такие его строки:

Ты – выше чувства и ума!
Перед тобой душа – нема,
Как перед смертной бездной…
И – отстраняется сама
От муки бесполезной.

О поэзии Ст. Куняева критик делает такой обобщающий вывод: «Широко и свободно вошла проза повседневности в “хроники” поэта. Своеобразие этих произведений можно бы определить следующим образом: “проза” входит здесь в стих так естественно и *вольно*, что оборачивается поэзией. Но нельзя не заметить, что именно в этих “хрониках” поэт разрешает себе самые высокие и всеобщие слова о Жизни и Смерти; они надёжно уравновешены предельно трезвыми образами будней» [13, с. 241]. Для В. В. Кожинова поэзия Ст. Куняева – это своего рода поэтическая «метафизика гражданственности», умеющая видеть в истории Родины её универсальный трагический и поэтический смысл.

Особую значимость для русской поэзии уже конца XX века В. В. Кожинов находил в творчестве Юрия Кузнецова, в котором он усматривал подлинное возрождение особого «космического» мироощущения, во многом подобного тютчевскому. Лирический герой Ю. Кузнецова, писал автор, «с его отпущенной на волю душой пребывает не в какой-либо “квартире”, но там же, где пребывает герой эпический, – в том “широком поле”, в том пространстве тысячелетнего бытия, где творится История» [6, с. 224]. Именно поэтому, как писал В. В. Кожинов, в лучших стихах Ю. Кузнецова создан «образ подлинно героической личности, чьё бытие совершается в мире тысячелетней истории… и в безграничности космоса… Поэзия Юрия Кузнецова могла осуществиться только лишь при условии, что История сокровенно и всем существом пережита в творческом сознании поэта как его собственная, личная предыстория, как прямое пред-бытие его собственной, личной судьбы» [6, с. 226–227]. После гибели Н. Рубцова – поэта-символа для целой эпохи – для В. В. Кожинова его «вакансию» заняла поэзия Юрия Кузнецова.

В. В. Кожинов предложил также и свою концепцию эволюции русской поэзии XX века. Так, в соответствии с ней, в 1920-х годах «доминантой поэтического стиля является стихия ораторской или разговорной речи… К концу 30-х годов положение коренным образом меняется: на первом плане – принципиально песенная поэзия» [16, с. 252]. Затем на этом пути эволюции стиля, в частности, в творчестве Н. Рубцова «поэзия как бы достигла предела органической простоты: идти дальше по этому пути уже невозможно. Поэзия, если угодно, вновь возвращается к сложности, но на совсем иной почве и в иной плоскости… Сложность поэзии рубежа 50–60-х годов – это либо сложность *взгляда* на мир, так сказать гносеологическая сложность (например, у Мартынова), либо даже сложность внешней *манеры,* за которой, в сущности, нет ничего особенно сложного – как в разгаданном ребусе (у Вознесенского)… Теперь же речь идёт об освоении сложности самого *бытия,* об он-

тологической сложности, которая не требует ни усложнённости взгляда, ни тем более усложнённого (с внешней точки зрения) стиля. Здесь нужна не сложность, а глубина проникновения… Эти черты ярче всего выявились в творчестве Юрия Кузнецова» [16, с. 260].

По отношению к истории русской поэзии XIX века В. В. Кожинов ретроспективно сделал работу, не выполненную тогдашними критиками – он выделил и осмыслил особый «круг» поэтов, который он удачно обозначил как поэтов «тютчевской плеяды». «Это направление, – писал он, – самым решительным образом отличалось от “школы гармонической точности”. Вместо равномерного (то есть, в конечном счёте, гармонического) воплощения всех сторон бытия, новая школа была прежде всего поэзией *мысли.* Это уже противоречило принципу гармонии» [7, с. 10]. Поэтому «в тютчевской поэзии, – проясняет свою идею В. В. Кожинов, – суть дела вовсе не в философии, не в системе мыслей, но в самом *образе мыслителя*… идеи – это не внутренняя суть тютчевской поэзии, но необходимая и даже основная *форма* воплощения определённого человеческого образа» [7, с. 13].

Подобно тому, как М. Хайдеггер в своё время рассматривал феномен Ф. Гельдерлина как поэта, сделавшего своим предметом саму суть, призвание и мощь поэзии как таковой, – по-видимому, в этой же роли В. В. Кожинов рассматривал Ф. И. Тютчева: «Искреннее восхищение поэзией Тютчева должно пробудить в каждом из нас убеждённость в том, что *моё* личное бытие имеет самое прямое, непосредственное отношение к вселенскому, космическому бытию, что я не имею права забывать об этом и призван мерить *мою* жизнь именно такой мерой» [11, с. 487]. Поэтому, «если выразиться кратко и просто, в основе тютчевского творчества лежало стремление соединить, слить своё глубоко личное переживание бытия с переживаниями каждого, любого человека и всех людей вообще – то есть, если угодно, с мировым целым» [15]. В. В. Кожинов усматривает в этой особенности поэтики Ф. И. Тютчева, с одной стороны, выражение всей эпохи зрелости европейской культуры, параллельно выразившейся и в немецкой классической философии, и в великом русском романе, но одновременно – и самое утончённое выражение русской национальной души, её особого мироощущения.

Фундаментальной теоретической проблемой в работах В. В. Кожинова всегда оставалось осмысление закономерности и значения «ломки классических традиций» для последующей судьбы русской поэзии. В своих высказываниях на эту тему он неоднократно упоминает признания стихотворцев авангардных направлений в том, что в рамках традиционного стиха им невозможно или очень трудно сказать что-то «новое». Именно в этих свидетельствах В. В. Кожинов усматривает и самое яркое *саморазоблачение* всякого отказа от классической традиции – их авторы, тем самым, сами признают, что у них нет способности наполнить традиционную форму своим *современным* содержанием: именно эту собственно творческую *неспособность* они и маскируют «ломкой форм» и прочими внешними «оригинальностями». Тем самым, попытка «держать традицию» в смысле верности классической *форме* стиха во времена «ломок» уже сама по себе свидетельствует о большой творческой воле такого автора и его содержательном потенциале.

Приведём значительный фрагмент его рассуждений на эту тему: «Ломка сложившихся классических традиций в поэзии была исторически неизбежным явлением. Более того, несмотря на все отрицательные последствия, она имела огромное положительное – в первую очередь *обновляющее* – значение. В частности, именно эта ломка заставила по-новому и, в конечном счёте, более глубоко и серьёзно оценить классическую культуру стиха» [3]. В частности, «наиболее замечателен и выразителен тот факт, что почти все представители “левой” поэзии, жизненный и творческий путь которых не окончился слишком рано – в 20-е или 30-е годы – сумели возвратиться, так или иначе, в лоно классической поэтической культуры. Заболоцкий, Пастернак, Асеев, Луговской, Сельвинский – все они в последние десятилетия жизни вернулись в это лоно… Поэты пережили, без сомнения, процесс внутреннего, органического, необходимого развития, которое вело их к возрождению классических традиций» [3].

Тем самым, временная «ломка» не только классической формы стиха, классической образности, лексики и т. д., но в первую очередь самого типа *мироощущения*, свойственного классической поэзии, оказались полезны для их дальнейшего возрождения. И поэтому в какой-то момент почувствовав, что ими было утрачено, поэты открывали это для себя снова так, как будто бы самой классики ещё никогда не было, до неё нужно дорасти, в живом личном опыте переоткрывая заново и её мироощущение, и значимость традиционных форм.

Говоря о современной поэзии, В. В. Кожинов утверждает: «Нет сомнения, что всё значительное в ней стремится идти путём, завещанным классикой, и в частности, исходить из жизненного “поведения”, а не конструировать стих в духе “левых” поэтов. Для сегодняшнего дня характерен парадоксальный призыв, ставший заглавием одной из статей критика Ст. Рассадина, много и хорошо пишущего о поэзии: “Вперёд, к Пушкину!”. Это вовсе не значит, конечно, что поэзия должна в прямом смысле слова возродить классику. Речь идёт только о развитии тех творческих принципов, основание которых было заложено в классической поэзии. Но эти принципы осуществляются на совсем иной почве и материале. Поэзия не может не быть всецело *современной*» [3]. Тем самым сам принцип традиционности отнюдь не является неким «анахронизмом» – суть его лишь в том, что поэтическое высказывание может и должно вернуться к своей бытийной укоренённости в жизни – и тогда у поэтов, естественно, возникнет и особая устремлённость к мироощущению классики, и традиционная форма стиха.

В. В. Кожинов также предлагает ряд весьма удачных формулировок этого внутреннего «закона»: «Подлинная суть традиции заключается не в том, чтобы идти путём предшественников, но в том, чтобы проложить свой собственный путь так, как они прокладывали свои пути» [18, с. 448]. Поэтому та современная поэзия, которой это удалось, «исходила из тех самых духовных родников народного бытия, которые как раз и явились основой и почвой отечественной классики» [18, с. 449]. И, наконец, формула наиболее субъективная, но именно поэтому и легче всего применимая и проверяемая: «Самый… неоспоримый признак истинной поэзии – её способность вызывать ощущение самородности, нерукотворности, безначальности стиха; мнится, что стихи эти никто не создавал, что поэт только извлёк их из вечной жизни родного слова, где они всегда – хотя и скрыто, тайно – пребывали» [18, с. 449]. Но и от читателя требуется *культура* такого ощущения. В силу такой укоренённости в соборном бытии народа истоки поэзии тесно связаны с интенсивностью исторического бытия, и поэтому, как пишет В. В. Кожинов, «для подлинного становления поэта (именно поэта – с прозой дело обстоит по-иному) необходим, по всей вероятности, своего рода социально-исторический “взрыв”. Это становится ясным, если внимательно проследить историю отечественной поэзии» [10, с. 426]. Вместе с тем В. В. Кожинов не считал поэзию простым «отражением жизни». Он спорил с распространённым мнением, согласно которому «русская литература, – как и культура в целом, – есть прямое “отражение” или “воспроизведение” русской жизни… Гораздо более верно понятие о творениях культуры (и, конечно, литературы) как о *плодах* – своего рода “последних”, высших достижениях – исторического творчества… представляя собой *порождения* истории, творения культуры, сами становятся феноменами истории… толстовская “Война и мир” или лирика Есенина – это, без сомнения, реальные факты, *события* русской истории, прямо и непосредственно *участвующие* в ней» [12, с. 610]. Такое понимание поэтических произведений не как тривиальных «отражений эпохи», но именно, как её плодов, которые, естественно, могут быть не отражением, а наоборот, сопротивлением своей эпохе, спором и борьбой с ней – весьма плодотворно, поскольку позволяет понять природу многих произведений именно такого характера. В свою очередь и понимание поэтических произведений как фактов эпохи, стоящих в одном ряду с фактами и факторами иных порядков (например, политическими событиями), позволяет понять природу поэтического творчества не как замкнутую сферу, но как важную часть исторического процесса в целом.

Очень характерной особенностью общего стиля критического мышления В. В. Кожинова всегда был особый *принцип углубления* – в частности, из истории литературы в область историософии. Примером принципа углубления может служить следующее рассуждение: «Каждый, кто смог открыть душу поэзии Николая Рубцова, так или иначе чувствует ту чудодейственную силу *преодоления,* которая в ней воплотилась… Николай Рубцов неопровержимо доказал, что даже в самых тяжких обстоятельствах не умирало всё то, что выразила отечественная поэзия… И, вглядываясь в судьбу Рубцова и его поэзии, есть основания верить, что Россия преодолеет свои нынешние беды» [18, с. 455]. Казалось бы, какая может быть непосредственная связь между особой поэтикой одного, пусть и очень яркого, автора и *будущей* судьбой огромной страны? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вернуться к уже упомянутым выше особенностям природы самой поэзии в понимании В. В. Кожинова. Во-первых, поэзия есть *свершение*, а не простое «отражение» чего-то – а это значит, что способность свершать эту «чудодейственную силу преодоления» в стихе указывает

и на такую же способность в самом народе, из гущи которого вышел поэт. А во-вторых, если поэзия сама по себе есть историческое событие – то ведь это фактически означает, что в самом появлении именно такой поэзии преодоление «тяжких обстоятельств» *уже* началось. И поэт, повинуясь своему прозрению, лишь явственно и ярко высказывает ту силу и ту устремлённость, которая в самом народе ещё только-только начала созревать и осознаваться.

Наконец, эта историософская устремлённость работ «позднего» В. В. Кожинова в наиболее яркой форме проявилась в его статье «Русская поэзия середины XX века как откровение о “конце нового времени”». Импульсом для её написания стала работа Р. Гвардини «Конец Нового времени» (1945), в которой философ пишет о саморазрушении образа человека как «индивида» и переходе к новому образу «человека массы» – именно как о *положительном* явлении истории XX века. Суть его в том, что, отстраняясь от «идола» своей «индивидуальности», человек становится свободнее и приобретает трагическое «совершеннолетие». Отталкиваясь от этой мысли, В. В. Кожинов утверждает, что такой переход к новому образу человека наиболее ярко был выражен именно в самобытной русской поэзии XX века, выделяя при этом в качестве «знаковых» имена Твардовского и Заболоцкого. По его мнению, «если Твардовский с полемической резкостью объявлял обыкновенное высшей эстетической ценностью, Заболоцкий более мягко внушает, что обыкновенное (обыденное), любая “единица” общества на самом-то деле необыкновенны и исполнены тайны, но люди не умеют и даже вроде бы не хотят это увидеть. И потому одно из ключевых ценностных слов в поэзии Заболоцкого – “неприметный”» [14, с. 145]. Это новое видение сути творчества основано на *новом образе человека*. И с явной иронией В. В. Кожинов замечает по этому поводу: «До сих пор господствует мнение, согласно которому именно “оригинальность” каждого абзаца – первейшая задача писателя (и тем более поэта) и главнейшая трудность... Но конструируемые и теперь по такой модели проза и поэзия в сущности *архаичны*, это явления своего рода стиля “ретро”, который не способен породить высшие художественные ценности» [14, с. 144]. Именно новый образ человека, повергнувшего свои прежние гордые и обманчивые идолы и заново «окликнутого Богом» (Р. Гвардини) – и есть то самое ценное, что рождалось в муках истории XX века. «Но, – рассуждает автор, – как же всё-таки быть с тем насильственным, даже убийственным тоталитаризмом, в условиях которого обрели себя Заболоцкий и Твардовский?.. При взгляде из наступившего времени тоталитаризм предстаёт как предельное испытание человека, которое он выдержал, – что наглядно явлено, “доказано” в поэзии Заболоцкого и Твардовского» [14, с. 150]. Саморазоблачение индивидуализма Нового времени в тоталитаризме XX века здесь, в новой русской поэзии, вернувшейся к глубине традиции, завершилось опытом экзистенциального *преображения* человека и открытием ценности обыкновенного, «неприметного».

Критическое и теоретическое наследие В. В. Кожинова, при всех его индивидуальных особенностях, в целом весьма ярко являет нам то особое видение сущности поэтического слова и его особого призвания, которое можно определить как поэтику современного русского традиционализма. И в XXI веке оно остаётся ценным и насущным для всех, кто стремится сохранить живую традицию русской классической поэзии.

Список литературы

1. Закон сохранения художественности. Беседа с критиком В. Кожиновым // Лит. учёба. 1991. Кн. 6. С. 54–61.

2. Кожинов В. В. Заметки о поэзии // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 89–94.

3. Кожинов В. В. Как пишут стихи. О законах поэтического творчества. М., 1970. 254 с.

4. Кожинов В. В. Лирическая дерзость // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 68–74.

5. Кожинов В. В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта. М.: Сов. Россия, 1976. 88 с.

6. Кожинов В. В. О поэтическом мире Юрия Кузнецова // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 219–233.

7. Кожинов В. В. О тютчевской плеяде поэтов // Поэты тютчевской плеяды / сост. В. В. Кожинов. М., 1982. С. 5–34.

8. Кожинов В. В. Понятие о поэтической ценности и современная критика // Статьи о современной литературе. М., 1990.

9. Кожинов В. В. Поэзия Василия Казанцева // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 186–196.

10. Кожинов В. В. Поэзия сегодня // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 425–427.

11. Кожинов В. В. Пророк в своём отечестве Фёдор Тютчев. М., 2002. 512 с.

12. Кожинов В. В. Пути русского исторического самосознания // В. В. Кожинов. Размышления об искусстве, литературе и истории. М., 2001. С. 602–640.

13. Кожинов В. В. Путь поэта // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 234–242.

14. Кожинов В. В. Русская поэзия середины XX века как откровение о «конце нового времени» // Волшебная гора. Философско-культурологический альманах. М., 1994. Вып. 1. С. 142–150.

15. Кожинов В. В. Соборность лирики Ф. И. Тютчева // Победы и беды России. М., 2002. С. 155.

16. Кожинов В. В. Стихи и поэзия. М., 1980. 304 с.

17. Кожинов В. В. Стихи и поэзия // Страницы современной лирики: сб. произведений современных поэтов / сост. В. В. Кожинов. М., 1983. С. 5–14.

18. Кожинов В. В. Чем сердце успокоится? Судьба Николая Рубцова и его поэзии // Победы и беды России. М., 2002. С. 432–455.

References

1. Zakon sokhraneniya khudozhestvennosti. Beseda s kritikom V. Kozhinovym // Lit. ucheba. 1991. Kn. 6. S. 54–61.

2. Kozhinov V. V. Zametki o poezii // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 89–94.

3. Kozhinov V. V. Kak pishut stikhi. O zakonakh poeticheskogo tvorchestva. M., 1970. 254 s.

4. Kozhinov V. V. Liricheskaya derzost' // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 68–74.

5. Kozhinov V. V. Nikolai Rubtsov. Zametki o zhizni i tvorchestve poeta. M.: Sov. Rossiya, 1976. 88 s.

6. Kozhinov V. V. O poeticheskom mire Yuriya Kuznetsova // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 219–233.

7. Kozhinov V. V. O tyutchevskoi pleyade poetov // Poety tyutchevskoi pleyady / sost. V. V. Kozhinov. M., 1982. S. 5–34.

8. Kozhinov V. V. Ponyatie o poeticheskoi tsennosti i sovremennaya kritika // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990.

9. Kozhinov V. V. Poeziya Vasiliya Kazantseva // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 186–196.

10. Kozhinov V. V. Poeziya segodnya // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 425–427.

11. Kozhinov V. V. Prorok v svoem otechestve Fedor Tyutchev. M., 2002. 512 s.

12. Kozhinov V. V. Puti russkogo istoricheskogo samosoznaniya // V. V. Kozhinov. Razmyshleniya ob iskusstve, literature i istorii. M., 2001. S. 602–640.

13. Kozhinov V. V. Put' poeta // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 234–242.

14. Kozhinov V. V. Russkaya poeziya serediny KhKh veka kak otkrovenie o «kontse novogo vremeni» // Volshebnaya gora. Filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh. M., 1994. Vyp. 1. S. 142–150.

15. Kozhinov V. V. Sobornost' liriki F. I. Tyutcheva // Pobedy i bedy Rossii. M., 2002. S. 155.

16. Kozhinov V. V. Stikhi i poeziya. M., 1980. 304 s.

17. Kozhinov V. V. Stikhi i poeziya // Stranitsy sovremennoi liriki: sb. proizvedenii sovremennykh poetov / sost. V. V. Kozhinov. M., 1983. S. 5–14.

18. Kozhinov V. V. Chem serdtse uspokoitsya? Sud'ba Nikolaya Rubtsova i ego poezii // Pobedy i bedy Rossii. M., 2002. S. 432–455.

Статья поступила в редакцию 30.08.2015